

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

УДК 341.33, 341.34

В. Н. Русинова

32

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СТАТУСА ДОБРОВОЛЬНЫХ ЖИВЫХ ЩИТОВ¹

На основе анализа действующих норм международного гуманитарного права, регулирующих случаи использования сторонами вооруженного конфликта живых щитов, обосновывается вывод о том, что эти лица представляют собой случай sui generis и должны быть исключены из ряда общих правил. Таким образом, добровольные живые щиты не могут рассматриваться как принимающие непосредственное участие в военных действиях и к ним должен применяться принцип пропорциональности, с той лишь оговоркой, что планка оценки чрезмерности косвенного ущерба может быть несколько снижена.

The analysis of existing rule of International humanitarian law governing the cases of use of human shields by the parties of armed conflict justifies the conclusion that these persons are a sui generis case and should be regarded as an exception to a number of general rules. As a result, they should not be classified as taking a direct part in hostilities and must be treated according to the principle of proportionality provided that the permissible level of excessiveness of collateral damage can be lowered.

Ключевые слова: живые щиты, гражданское население, вооруженные конфликты, международное гуманитарное право, пропорциональность.

Key words: human shields, civil population, armed conflicts, international humanitarian law, proportionality.

Понятие «живые щиты» используется в международном гуманитарном праве в отношении гражданских или иных покровительствуемых лиц, чье присутствие или передвижение направлены на то, чтобы защитить военные цели от нападения [7, р. 208]. Тактика применения живых щитов варьируется и может заключаться как в использовании близости присутствия гражданского населения, когда сражающиеся специально ведут военные действия на гражданских объектах, так и в непосредственном вовлечении гражданских лиц в ведение операций наступательного или оборонительного плана. При этом они могут выступать в качестве живых щитов как добровольно, так и по принужде-

¹ Настоящая публикация подготовлена автором в Институте Макса Планка по зарубежному публичному и международному праву (Гейдельберг, Германия) в ходе научной стажировки, осуществленной на грант Фонда А. фон Гумбольдта, в 2011 г.

нию. Увеличение случаев задействования живых щитов в ходе ведения военных действий в современных конфликтах — а это конфликты в Ираке, Афганистане, на оккупированных палестинских территориях — следствие растущей асимметрии в оснащении и возможностях противоборствующих сторон: подобное использование гражданского населения представляет серьезный барьер на пути более сильного противника в силу моральных, политических и, не в последнюю очередь, правовых установок [19, р. 30–31].

I. Международно-правовые нормы, регулирующие статус живых щитов.

Действующее международное право содержит несколько основных правил, которые регулируют использование и статус живых щитов в вооруженных конфликтах международного и немеждународного характера. В первую очередь, это лежащий в основе норм международного гуманитарного права принцип различия, в соответствии с которым гражданские лица не могут быть объектом для нападения до тех пор, пока они не принимают непосредственного участия в военных действиях [1]. Следующее правило запрещает сторонам конфликта злоупотреблять предоставляемой международным гуманитарным правом защитой и использовать присутствие или передвижение гражданского населения или иных покровительствуемых лиц для защиты определенных пунктов, районов или объектов от военных действий или для прикрытия военных действий [2]. Из формулировки п. 7 ст. 51 Первого дополнительного протокола и п. (b) (xxiii) ч. 2 ст. 8 Римского статута [4] следует, что этот запрет распространяется на использование как добровольных, так и недобровольных живых щитов. И наконец, определение правового положения живых щитов связано с применением принципа пропорциональности, в силу которого запрещается «причинять ущерб гражданским лицам и объектам, который был бы чрезмерным по отношению к конкретному и прямому военному преимуществу, которое предполагается получить» [2]. В п. 8 ст. 51 Первого дополнительного протокола прямо указывается на то, что нарушение запрета использования живых щитов не должно рассматриваться как освобождающее стороны конфликта от соблюдения принципа пропорциональности.

В процессе толкования совокупности вышеобозначенных международно-правовых норм единодушие царит только по поводу статуса недобровольных живых щитов: они квалифицируются как не принимающие непосредственное участие в военных действиях и сохраняющие свой статус гражданских лиц, находящихся под защитой от нападения, что означает также, что причиняемый им ущерб должен полностью учитываться при оценке соблюдения принципа пропорциональности [6]. В то же время правовое положение добровольных живых щитов продолжает оставаться предметом острой научной дискуссии [16, р. 310]. Должны ли они рассматриваться в качестве принимающих непосредственное участие в военных действиях и, соответственно, быть защищенными от нападения на это время? Возможно ли, нарушая запрет использования живых щитов и откровенно злоупотребляя защитой международного гуманитарного права, юридически обезопасить тот или иной объект, до-

ведя количество задействованных гражданских лиц до такого уровня, который будет явно перевешивать чашу весов при оценке пропорциональности возможного нападения? Применение изложенных выше основных международно-правовых норм приводит комментаторов к диаметрально противоположным ответам на эти вопросы. Сложности определения статуса добровольных живых щитов и сопровождающая их полемика привели к тому, что эта проблематика надежно закрепились в числе «серых зон» международного гуманитарного права.

Действительно ли существующие нормы международного гуманитарного права дают противоречивые ответы и не способны адекватно регулировать использование добровольных живых щитов в вооруженных конфликтах? Цель статьи состоит в том, чтобы проанализировать два взаимосвязанных блока проблем: квалификацию действий добровольных живых щитов с позиции непосредственного участия в военных действиях и особенности применения принципа пропорциональности к этим случаям.

II. Подходы, сложившиеся в науке международного права.

В науке международного права сложились различные подходы к оценке действий добровольных живых щитов в вооруженных конфликтах: от признания их непосредственным участием до полного отрицания такой возможности. Ситуация усложняется тем, что, несмотря на огромное значение понятия «непосредственное участие в военных действиях» в международном гуманитарном праве, его содержание в договорных источниках не раскрыто и, как следствие, точное установление его границ также является предметом научного диспута [10].

Подход, в соответствии с которым добровольные живые щиты квалифицируются как принимающие непосредственное участие в военных действиях [21, р. 44; 12, р. 153–154; 18, р. 318–322], базируется на следующих аргументах. Добровольцы прикрывают собой военные объекты, которые по определению вносят эффективный вклад в военные действия, следовательно, и такие лица должны признаваться непосредственно участвующими в этих действиях [18, р. 319; 13, р. 9]. Другие ученые отмечают, что, только признав добровольные живые щиты принимающими непосредственное участие в военных действиях, можно исключить их при оценке соблюдения принципа пропорциональности – иначе за счет увеличения количества присутствующих добровольцев сторона конфликта сможет обеспечить иммунитет любому военному объекту [18, р. 319]. К тому же выставление живого щита зачастую эффективнее по своему воздействию, чем применение гражданскими лицами оружия против современных воздушных судов, которые практически недостижимы с земли. Было бы нелогичным, как отмечают сторонники этого подхода, рассматривать использование абсолютно неэффективного оружия как непосредственное участие в военных действиях и не квалифицировать в качестве такового поведение лиц, применяющих гораздо более действенные методы [26, р. 70].

Более того, ответственность за нарушение запрета на привлечение живых щитов несет сторона конфликта, т. е. применяющие этот метод сражающиеся, что же касается гражданских лиц, то непризнание их дей-

ствий в качестве непосредственного участия в военных действиях означало бы, что злоупотребление защитой не приводит к каким-либо неблагоприятным последствиям. Это может способствовать еще большему вовлечению гражданских лиц в подобную деятельность, что в итоге скажется на ослаблении защиты гражданского населения в целом [26, p. 70].

Из общего правила о признании добровольных живых щитов автоматически принимающими непосредственное участие в военных действиях сторонники этой концепции предлагают делать только одно исключение — в отношении детей, так как они не обладают психической способностью сформировать соответствующий умысел [17, S. 522]. В целом же, признавая сложность установления истинной воли гражданских лиц, выступающих в качестве живых щитов, сторонники этого подхода предпринимают попытки несколько сгладить острые углы и предлагают два способа. Первый предусматривает необходимость использования презумпции недобровольности участия в качестве живого щита [9, p. 143], второй побуждает стороны конфликта принимать меры предосторожности по своей инициативе [26, p. 71]. При том, что оба метода действительно направлены на смягчение концепции, они основываются исключительно на *bona fide* сражающихся, потому как в свете изложенного подхода к определению статуса добровольных живых щитов соответствующих правовых обязанностей у сторон конфликта не возникает.

Сторонники противоположного подхода считают добровольные живые щиты не принимающими непосредственное участие в военных действиях [14, p. 211; 25, p. 45]. В основе этой точки зрения лежит признание того, что в поведении подобных добровольцев отсутствует один или даже несколько элементов, составляющих непосредственное участие в военных действиях [8, p. 619; 10, p. 46–58]. В частности, приводится аргумент, что действия добровольных живых щитов не подвергают прямому риску силы противника, т. е. отсутствует «непосредственность» причинения ущерба [23, p. 2; 24, p. 45]. Присутствие живых щитов вблизи военных объектов, по мнению сторонников этого подхода, представляет собой не физическое, а скорее, юридическое препятствие, поскольку, учитывая развитие военной техники, объект может быть атакован, к примеру, с воздуха, а жертвы среди гражданских лиц будут рассматриваться в контексте действия принципа пропорциональности. Следовательно, присутствие добровольных живых щитов может лишь усложнить задачу по ликвидации военного объекта, сделав неочевидным результат оценки пропорциональности подобной операции. В результате для стороны, готовящей атаку на военный объект, наличие живых щитов способно привести к тому, что операция может быть либо отложена из-за необходимости дополнительных согласований или использования других военных средств, либо модифицирована, либо отменена вообще.

Сторонники этой точки зрения также делают акцент на сложности определения истинной мотивации живых щитов, указывая на то, что для установления, принимает ли лицо «непосредственное участие в военных действиях», должны использоваться объективные критерии. Учитывая сложность сбора и проверки информации, возможность трансформации изначально добровольного предоставления защиты в

недобровольное, равно как и проблему выявления истинности самой «добровольности» — на что обратил внимание и Верховный суд Израиля в деле об использовании тактики ранних предупреждений [22], — проводить водораздел в квалификации статуса лиц в зависимости от их мотивации недопустимо.

В отношении применения «объективных» критериев отмечается, что принцип «непосредственного причинения» ущерба был бы слишком растянут, если бы каждое действие, которое может воспрепятствовать нападению на конкретный объект, автоматически рассматривалось как «непосредственное участие в военных действиях» [26, р. 72]. Далее вывод о том, что гражданские лица могут быть прямо атакованы независимо от того, защищают ли они соответствующий объект или нет, причисляется к числу абсурдных, потому как, если признать таких лиц принимающими непосредственное участие в военных действиях, они будут представлять собой правомерную мишень для нападения не только во время физической «защиты» объекта, но и во время подготовительных действий, перемещения к месту, а также возвращения домой [2]. Используется и аргумент *a contrario*: гражданские лица не могли бы взять на себя роль живых щитов, если бы не обладали защитой от нападения [26, р. 72]. При этом упускается из вида, что убеждение таких добровольцев в наличии у них иммунитета не имеет ничего общего с правовой квалификацией их статуса.

Одним из слабых мест этого подхода, как правило, считают то, что он исключает возможность квалификации в качестве непосредственного участия в военных действиях случаев, которые любой военный определил бы в качестве таковых. Возьмем, к примеру, ситуацию, когда противник собирается не уничтожить, а захватить объект, оберегаемый добровольными щитами. В таком случае присутствие гражданских лиц будет действительно представлять не только юридическое, но и непосредственное физическое препятствие. Если подрыв путей или возведение баррикад на пути продвижения противника приравнивается к непосредственному участию, то почему необходимо иначе подходить к трактовке действий гражданских лиц, которые сами преграждают дорогу?

Все эти размышления, в большинстве случаев, заставляют согласиться с компромиссным вариантом, представляющим собой индивидуальный подход, в силу которого лица, по своей воле выступающие в роли щитов, могут в зависимости от ситуации квалифицироваться и как принимающие, и как не принимающие непосредственное участие в военных действиях. В частности, если лица добровольно создают физическое препятствие для проведения военной операции той или иной стороной конфликта, то их действия способны прямо причинить ущерб, достигающий уровня «непосредственного участия». Именно этот подход изложен в опубликованном в 2009 г. Международным комитетом Красного Креста (МККК) «Руководстве по толкованию понятия “непосредственное участие в военных действиях” в соответствии с международным гуманитарным правом» [10, р. 56].

К определению статуса живых щитов применяется не только понятие «непосредственное участие в военных действиях», но и принцип пропорциональности. Если добровольные живые щиты рассматрива-

ются как принимающие непосредственное участие в военных действиях, то ущерб, который может быть им причинен, не должен приниматься во внимание при планировании и проведении военной операции, и, наоборот, если эти лица квалифицируются как не принимающие непосредственное участие в военных действиях, то ущерб, который гипотетически может быть им нанесен, должен полностью учитываться при оценке соразмерности. Эта линия аргументации вызывает критику как оправдывающая и даже провоцирующая злоупотребление правовой защитой и несправедливо перемещающая бремя ответственности на правопослушную сторону конфликта.

III. Живые щиты как категория *sui generis*.

Каждая из представленных точек зрения на положение добровольных живых щитов обладает как достоинствами, так и недостатками. Вместе с тем ситуация, когда ответы на вопросы о том, могут ли добровольные живые щиты быть объектами для нападения как лица, принимающие непосредственное участие в военных действиях и, соответственно, должны ли они учитываться в рамках проверки пропорциональности, зависят от того, кто именно интерпретирует действующие правила, вряд ли может быть признана приемлемой. Неслучайно многие авторы полагают, что нормы международного гуманитарного права недостаточно регулируют положение добровольных живых щитов и призывают к разработке новых правил [15, р. 2]. Представляется тем не менее что, прежде чем переходить к поиску идеальных конструкций *de lege ferenda*, необходимо досконально изучить и использовать все возможности *lex lata*. Проблема многих комментаторов состоит в попытке применить к такому специфическому случаю злоупотребления правовой защитой, как использование живых щитов, общие правила, что приводит к неудовлетворительным результатам, когда даже те, кто признает добровольные живые щиты принимающими непосредственное участие в военных действиях, понимают абсурдность разрешения совершать нападение на таких лиц во время продвижения к месту, где располагается военный объект, и обратно.

Начнем с того, что использование живых щитов — далеко не новшество в тактике ведения войн, и в Первом дополнительном протоколе прямо зафиксированы правила, касающиеся использования гражданских лиц для прикрытия военных целей — проблема определения правового статуса заключается в сопоставлении и толковании существующих норм. Защита гражданского населения в вооруженных конфликтах вытекает из принципа различия и воплощается в правиле о запрете нападений на гражданских лиц, исключением из которого выступают случаи, когда индивиды принимают непосредственное участие в военных действиях. Исходя из того, что п. 7 ст. 51 Первого дополнительного протокола запрещает использование живых щитов в принципе, а п. 8 указывает на тем не менее сохраняющуюся обязанность применять меры предупреждения, которые включают и принцип пропорциональности, а также из того, что живые щиты могут быть как принимающими, так и не принимающими непосредственное участие в военных действиях, возникает абсурдная ситуация: лицо, принимающее непосред-

венное участие в военных действиях, а следовательно, являющееся правомерным объектом для нападения, должно будет учитываться в рамках принципа пропорциональности. Нельзя квалифицировать лицо как потерявшее защиту от нападения и одновременно учитывать его как случайную жертву среди гражданского населения.

Пытаясь отстоять логичность концепции, заложенной в ст. 51 Первого дополнительного протокола, проф. М. Шмит предлагает взглянуть на соотношение п. 3, 7 и 8 этой статьи под иным углом. Поскольку п. 3 ст. 51 отказывает в защите, «предусмотренной настоящим разделом», всем гражданским лицам, принимающим непосредственное участие в военных действиях, постольку добровольные живые щиты, которые должны рассматриваться как непосредственно участвующие в военных действиях, исключаются из-под действия правил, зафиксированных в п. 7 и 8 ст. 51. Ученый подкрепляет свой вывод тем, что в международном гуманитарном праве не существует правила, которое запрещало бы сторонам конфликта прибегать к использованию гражданских лиц, принимающих непосредственное участие в военных действиях [18, р. 320]. Тем самым, действительно, противоречие снимается, и принцип пропорциональности остается применим только к недобровольным живым щитам, действия которых нельзя квалифицировать как непосредственное участие в военных действиях.

Следуя предлагаемому М. Шмитом ходу рассуждений, мы должны прийти к выводу о том, что п. 7 ст. 51 и международное гуманитарное право в целом не запрещают сторонам использовать добровольцев из числа гражданских лиц в качестве живых щитов. Такой вывод прямо противоречит «букве» и «духу» п. 7 ст. 51 и основополагающим принципам международного гуманитарного права, среди которых принцип различия и обязанность защищать гражданское население от последствий вооруженного конфликта. Представленная точка зрения полностью игнорирует то, что использование живых щитов, в том числе добровольных, квалифицируется как военное преступление в международных договорах [4] и обычаях [5, с. 429–434], кроме того, международное гуманитарное право содержит общий запрет использовать детей для активного участия в военных действиях [2].

Отсюда следует вывод о том, что как добровольные, так и недобровольные живые щиты не могут быть исключены из сферы применения п. 7 и 8 ст. 51 Первого дополнительного протокола. Представляется, что при анализе совокупности норм, регулирующих положение живых щитов, недооценивается значение п. 8 ст. 51. Если бы эта норма отсутствовала, то, действительно, применение п. 3 ст. 51 Первого дополнительного протокола приводило бы к тому, что те добровольные живые щиты, чьи действия подпадают под непосредственное участие в военных действиях, не должны были бы приниматься во внимание при оценке пропорциональности. Однако в состав ст. 51 была введена общая норма о необходимости соблюдения этого принципа, и цель ее введения могла состоять только в том, чтобы обязать сражающихся предупреждать лиц, которые используются в качестве живых щитов, о нападении, а также применять к ним принцип пропорциональности.

На первый взгляд, возникает коллизия: п. 8 ст. 51 Первого дополнительного протокола обязывает стороны принимать меры предосторожности, включая принцип пропорциональности, в том числе в отношении лиц, непосредственно участвующих в военных действиях, и при этом отсылает к ст. 57 протокола, сфера применения которой охватывает только тех гражданских лиц, которые не принимают непосредственного участия в военных действиях. Однако противоречие снимается, если исходить из того, что ст. 57 охватывает гражданских лиц, обладающих защитой от нападения, а п. 7 и 8 ст. 51 протокола распространяют — в порядке исключения, ввиду особой ситуации — сферу применения мер предосторожности на все живые щиты, используемые стороной конфликта, т.е. даже на те, которые могли бы считаться принимающим непосредственное участие в военных действиях.

В подтверждение корректности этого вывода можно привести указание авторов комментария МККК к Первому дополнительному протоколу на то, что использование живых щитов — это особый случай [8, р. 628] и цель этой нормы — дополнительно защитить лиц в тех ситуациях, когда соответствующие власти не принимают необходимых мер защиты [8, р. 628]. Соответственно, присутствие гражданских лиц будет влиять на оценку соблюдения принципа пропорциональности, однако, учитывая то, что в тексте ст. 57 Первого протокола применяются такие формулировки, как «практически все возможное», «случайные потери», можно сделать вывод о том, что добровольность и осознанность присутствия гражданских лиц рядом с военными объектами или сражающимися должна снижать планку того, какие потери среди гражданского населения будут считаться «чрезмерными» [10, р. 57]. Необходимо иметь в виду, что, прежде всего, военный объект, даже будучи окруженный гражданскими лицами, продолжает оставаться военной целью, и нападение на него будет неправомерным только в том случае, если предполагаемый косвенный ущерб будет чрезмерным по отношению к конкретному и прямому военному преимуществу, которое предполагается получить.

Вывод о расширении применимости принципа пропорциональности на все добровольные живые щиты с необходимостью обуславливает и другой. Как уже отмечалось, если мы исходим из того, что даже присутствие рядом с военной целью и создание физических препятствий для проведения военных операций противника не означает, что живые щиты должны исключаться из оценки соблюдения принципа пропорциональности, то это должно также означать, что правила о потере такими лицами защиты от нападения на время непосредственного участия в военных действиях не применяются (при условии, конечно, что действия гражданских лиц ограничиваются только прикрытием военного объекта). Было бы нелогично признавать, что правила международного гуманитарного права действуют в смягченном варианте в ситуации, когда живые щиты уже заняли свои позиции, и в то же время настаивать на том, что если действия добровольных живых щитов в этом случае квалифицируются как непосредственное участие в военных действиях, то они — как это предписывает общее правило — теряют защиту не только

на время непосредственного прикryтия объектов, но и на время подготовительных действий, передвижения к цели и обратно.

Таким образом, живые щиты должны рассматриваться как случай *sui generis* — особая форма участия в военных действиях, к которой продолжают применяться меры предосторожности вместе с принципом пропорциональности и на которую не распространяются нормы о потере защиты на время непосредственного участия в военных действиях.

IV. Заключение.

Увеличение случаев использования живых щитов часто рассматривается как один из вызовов современных вооруженных конфликтов, который либо вскрывает правовые пробелы международного гуманитарного права, либо доказывает неадекватность ответов, которые способны дать действующие правила. Этот вывод игнорирует то обстоятельство, что тактика использования гражданского населения и иных покровительствуемых лиц для прикryтия военных целей далеко не новое явление, которое появилось в современных вооруженных конфликтах, а также то, что действующие договорные и обычные нормы международного гуманитарного права регулируют случаи использования не только недобровольных, но и добровольных живых щитов. При нарушении запрета использования живых щитов дополнительное указание договорных источников на применимость принципа пропорциональности, с одной стороны, не позволяет квалифицировать этот случай злоупотребления защитой международного гуманитарного права как непосредственное участие в военных действиях. Тем самым живые щиты не могут рассматриваться как правомерная цель в отрыве от защищаемого ими объекта. С другой — осознанность присутствия гражданских лиц около военных целей может служить основанием для некоторого снижения планки при оценке пропорциональности, но не может полностью освободить стороны конфликта от учета такого присутствия.

Список литературы

1. *Об улучшении* участи раненых и больных в действующих армиях; об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море; об обращении с военнопленными; о защите гражданского населения во время войны: Женевские конвенции от 12 августа 1949 г. // Действующее международное право: в 3 т. / сост. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. М., 1999. Т. 2. С. 603–731.

2. *Дополнительный* протокол I к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов от 8 июня 1977 г. // Там же. С. 731–792.

3. *Дополнительный* протокол II к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера от 8 июня 1977 г. // Там же С. 793–803.

4. Римский статут Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г. с поправками от 10–11.06.2010 г. URL: [http://www.un.org/ru//aw//icc/rome_statute\(r\).pdf](http://www.un.org/ru//aw//icc/rome_statute(r).pdf) (дата обращения: 1.07.11)

5. Хенкертс Ж.-М., Досвальд-Бек Л. Обычное международное гуманитарное право. Т. 1. Нормы. МККК, 2006.

6. *Bouchie de Belle S.* Chained to Cannons or Wearing Targets on Their T-shirts: Human Shields in International Humanitarian Law // *International Review of the Red Cross*. 2008. Vol. 90. № 872. P. 883–906.

7. *Commentary* on the Geneva Conventions of 12 August 1949 / ed. by J. Pictet. Vol. 4. Geneva Convention relative to the Protection of Civilian Persons in Time of War. Geneva, 1960.

8. *Commentary* to the Additional Protocols of 8 June 1977 to the Geneva Conventions of 12 August 1949 (Protocol I) / C. Pilloud, Y. Sandoz, Ch. Swinarsky. ICRC, 1987.

9. *Commentary* on the HPCR Manual on International Law Applicable to Air and Missile Warfare. Harvard, 2010.

10. *Interpretive Guidance* on the Notion of Direct Participation in Hostilities under International Humanitarian Law. ICRC, 2009.

11. *The Manual* on the Law of Non-International Armed Conflict / International Institute of Humanitarian Law; drafting Committee: M. Schmitt, Ch. Garraway, Y. Dinstein. Sanremo, 2006.

12. *Dinstein Y.* The Conduct of Hostilities under the Law of International Armed Conflict. 2nd ed. Cambridge, 2010.

13. *Dunlap Ch. J.* Law and Military Interventions: Preserving Humanitarian Values in 21st Conflicts. Paper, prepared for the Humanitarian Challenges in Military Intervention Conference. Washington, D.C. November 29, 2001. URL: <http://www.duke.edu/~pfeaver/dunlap.pdf> (дата обращения: 1.07.11).

14. *Haas J.* Voluntary Human Shields: Status and Protection under International Humanitarian Law // *International Humanitarian Law and The 21st Century's Conflicts: Changes and Challenges* / Arnold R., Hildbrand P.-A. (eds.) Lausanne; Berne; Lugano, 2005.

15. *Parrish R.* The International Legal Status of Voluntary Human Shields. Paper presented at the Annual Meeting of the International Studies Association. Montreal, 17 March 2004. URL: http://www.allacademic.com/meta/p_mla_apa_research_citation/0/7/4/0/5/pages74057/p74057-1.php (дата обращения: 1.07.11).

16. *Pomper S.* Direct Participation in Hostilities: Operationalizing the International Committee of the Red Cross' Guidance // *American Society of International Law Proceedings*. 2009. Vol. 103. P. 307–310.

17. *Schmitt M.* "Direct Participation in Hostilities" and 21st Century Armed Conflict // *Krisensicherung und Humanitaerer Schutz – Crisis Management and Humanitarian Protection*. Festschrift fuer Dieter Fleck / H. Fischer, U. Froissart, W. Heintschel von Heinegg, Ch. Raap (Hrsg.). B., 2004.

18. *Schmitt M.* Human Shields in International Humanitarian Law // *Columbian Journal of Transnational Law*. 2009. Vol. 47. P. 292–338.

19. *Schoenkase D.* Targeting Decisions Regarding Human Shields // *Military Review*. 2004. Sep-Oct. P. 26–31.

20. *International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia, Prosecutor v. Dusko Tadic, Trial Chamber, Judgment of 7 May 1997*. URL: <http://www.icty.org/x/cases/tadic/tjug/en/tad-ts70507JT2-e.pdf> (дата обращения: 1.07.11).

21. *Israeli High Court of Justice, The Public Committee against Torture in Israel et al v The Government of Israel et al, Judgment, 13 December 2006*. URL: http://sломanson.tjsl.edu/israeli_SCt_Targeted_Killing_Case.pdf (дата обращения: 1.07.11).

22. *Israeli High Court of Justice, Adalah – The Legal Center for Arab Minority Rights in Israel et al. v. GOC Central Command, IDF et al., Judgment of 6 October 2005* // *International Legal Materials*. 2006. Vol. 45. March. P. 491–502.

23. *Human Rights Watch, International Humanitarian Law Issues in a Potential War with Iraq, 20.02.2003. Briefing Paper, 20 February 2003, Sec. 1*. URL: <http://www.hrw.org/legacy/backgrounder/arms/iraq0202003.htm> (дата обращения: 1.07.11).

24. *Second Expert Meeting on Direct Participation in Hostilities*, 25–26 October 2004. *Direct Participation in Hostilities under IHL, Background Paper*. N. Melzer. URL: <http://www.icrc.org/eng/resources/documents/article/other/direct-participation-article-020709.htm> (дата обращения: 1.07.11).

25. *Forth Expert Meeting on Direct Participation in Hostilities, Summary Report*, 27–28 November 2006. URL: <http://www.icrc.org/eng/resources/documents/article/other/direct-participation-article-020709.htm> (дата обращения: 1.07.11).

26. *Fifth Expert Meeting on the Notion of Direct Participation in Hostilities*, 5–6 February 2008. URL: <http://www.icrc.org/eng/resources/documents/article/other/direct-participation-article-020709.htm> (дата обращения: 1.07.11).

Об авторе

42

Вера Николаевна Русинова — канд. юр. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, e-mail: verarusinova@gmail.com

About author

Dr Vera Rusinova, Associate Professor, IKBFU, e-mail: verarusinova@gmail.com